

образних домінант мариністичних та степових пейзажних картин у творах письменника. Найхарактернішими компонентами цих образів стали мовні елементи, які організовані у систему тропів, зокрема порівняння, метафори, метонімічні перенесення. Завдяки словесно-художнім засобам письменник оновив внутрішній потенціал естетики українського слова.

Бібліографічні посилання

1. **Галкина-Федорук Е. М.** Об экспрессивности и эмоциональности в языке / Е. М. Галкина-Федорук // Сб. статей по языкознанию. – М. : Изд-во МГУ, 1958. – С. 103–124.
2. **Ковальов В. П.** Виразальні засоби українського художнього мовлення / В. П. Ковальов. – Херсон, 1992. – 216 с.
3. **Мацько Л. І.** Метафора / Л. І. Мацько // Стилістика української мови. – К. : Наук думка, 2003. – С. 328–338.
4. **Телия В. Н.** Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1986. – 298 с.
5. **Храпченко М.** Творча індивідуальність письменника і розвиток літератури / М. Храпченко. – К. : Дніпро, 1976. – 376 с.
6. **Чабаненко В. А.** Стилістика експресивних засобів української мови / В. А. Чабаненко. – Запоріжжя : ЗДУ, 2002. – 351 с.
7. **Чернявський М.** Твори : у 10 т. / М. Чернявський. – Харків : РУХ, 1929–1933.

Надійшла до редколегії 04.05.08

УДК 811.161.1'37

Ю. В. Дорофеев

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Присвячується інноваційним процесам у семантичній структурі мовних одиниць, які розглядаються з позиції лінгвістичного функціоналізму, що дозволяє аналізувати їх як закономірні мовні явища, обумовлені специфікою самої мови.

Посвящается инновационным процессам в семантической структуре языковых единиц, рассматриваемых с позиции лингвистического функционализма, что позволяет анализировать их как закономерные языковые явления, обусловленные спецификой самого языка.

It deals with innovative processes in the semantic structure of linguistic units which are examined from position of linguistic functionalism that allows analyzing them as the appropriate linguistic phenomena, conditioned by the specific features of the language.

В современном языкознании вопрос о том, «почему слова в процессе исторического развития языка и на речевом уровне претерпевают семантические инновации, расширяют или изменяют свои значения» [10, с. 227], приобретает принципиально иное значение, нежели два десятилетия назад. Прежде всего необходимо отметить, что вопрос о трансформации значений отдельных слов не отображает современных представлений о языке как прагматически обусловленной функциональной системе. Еще Э. Косериу определил способность к изменению как онтологическую характеристику языка: «Живой язык, постоянно определяемый (а не определенный

раз и навсегда) посредством своей функции, не является созданным, а непрерывно создается конкретной языковой деятельностью» [7, с. 19].

Таким образом, вопрос о сущности инноваций непосредственно связан с проблемой описания языка как деятельности, а не как продукта. Как представляется, такие направления современной лингвистики, как неология и вариантология непосредственно связаны именно с проблемой изменчивости языка, которая со времен Ф. де Соссюра решалась в плоскости антиномии «синхрония – диахрония».

Сегодня утверждение о том, что «креативный характер языка есть предпосылка постоянного прогресса человеческих знаний, есть условие духовного прогресса, свойственного только человеческому обществу и только благодаря обладанию языком» [6, с. 117] отражает не только определенный этап развития языкознания, но и направленность лингвистического поиска. Сам процесс развития языка представляется современным исследователям непосредственно связанным с аккумуляцией человеческого опыта, знаний и умений [1, с. 20–21].

Очевидно, эти идеи должны привести лингвистику к убеждению, что «изменение – это не простая случайность, оно принадлежит самой сути языка: в самом деле, язык создается посредством того, что называют «языковым изменением». Поэтому изучать изменения – это не значит изучать «искажения» или «отклонения» ... наоборот, это значит изучать становление языковых традиций, то есть само *создание* языков» [7, с. 75]. Однако на практике мы нередко сталкиваемся с таким подходом к речевым явлениям, который исходит из противопоставления девиаций и нормы, конвенционального и интенционального (то есть оценивает определенные явления как внесистемные): «Всё, что неконвенционально, может представлять интерес для исследователя языка, но оно не должно отражаться в описании языка (лингвистическом), поскольку язык – это конвенциональная знаковая система. Изучение различного рода неконвенциональных импликатур описывает способности людей, пользующихся языком, и может быть отнесено к (нелингвистической) прагматике» [3, с. 254–255]. Хотя в конечном счете оказывается, что «нет такого, на первый взгляд заведомо “неправильного” выражения, которое не стало бы естественным и приемлемым, и нет такого “правильного” выражения, которое не оказалось бы странным и неприемлемым при определенных условиях» [4, с. 311–312], и поэтому в плане функционирования языка любая инновация в самый момент своего появления входит в систему.

Учитывая все вышеизложенное, мы ставим себе **целью** рассмотреть инновационные процессы в семантической структуре языковых единиц с точки зрения их функциональной обусловленности.

Достижение этой цели предполагает решение следующих задач:

- определить специфику инновационных процессов в речевой деятельности;
- продемонстрировать функциональную обусловленность инновационных процессов.

Инновационные процессы в семантике языковых единиц идут непрерывно, поскольку они связаны с речевой деятельностью человека, которая неизбежно вызывает отклонения от моделей, существующих в языке. Эти процессы представляют собой контекстуально обусловленное перераспределение смысловых компонентов в содержании отдельной единицы, вследствие которого данная языковая единица становится информационно, экспрессивно или прагматически более значимой в рамках конкретного высказывания [12, с. 32].

Исследования в этой области опираются на анализ семантической структуры номинативных единиц, прежде всего слов. Именно в словах, по мнению исследователей, «происходит кодирование и категоризация когнитивного знания в знаковой (символической) форме, которые одновременно обогащают его совокупным соци-

альным опытом, упорядочивают и организуют в тех или иных языковых формах» [1, с. 31]. Соответственно, предполагается, что «открытость смысловой структуры слова, как и семантическая подвижность языка в целом, обусловлены действием ряда экстралингвистических факторов, определяющих природу языка, соотношение слова и понятия, особенности лингвистического конструирования сознания-реальности и др.» [10, с. 228].

Мы же полагаем, что трансформации семантической структуры характерны для всех языковых единиц, обладающих значением. Поэтому при анализе инновационных процессов целесообразно учитывать следующее положение М. М. Бахтина: «Выбирая слова, мы исходим из замышляемого целого нашего высказывания, а это замышляемое и созидаемое нами целое всегда экспрессивно, и оно-то излучает свою экспрессию (точнее, нашу экспрессию) на каждое выбираемое нами слово, так сказать, заражает его экспрессией целого» [2, с. 281–282]. Соответственно, все преобразования в семантике языковых единиц являются прагматически и функционально обусловленными и отражают отношение говорящего к адресату, к предметам и явлениям окружающей действительности и пр. Следовательно, инновации в семантике языковых единиц необходимо рассматривать не относительно языка, то есть как «отклонения и девиации», а относительно говорящего (автора) и адресата: «значение – это всегда значение *для* человека. То, что для меня значимо, всегда связано с тем, что для меня важно. А то, что для меня важно, зависит не только от моего рационального знания, но и от моего прошлого опыта, ценностей, чувств и интуитивных озарений» [9, с. 244].

Когда мы выступаем в качестве активных участников речевой деятельности, наш собственный «творческий» элемент – это, прежде всего, содержание нашей мысли. «Что касается «формы» ее выражения, то мы здесь в значительной степени автоматичны, так как обычно используем готовые слова и модели, схемы сочетаний слов и предложений, отстоявшиеся и закрепленные в языке. Это регистрируется правильностью (нормой), регулярностью и массовой воспроизводимостью номинативных средств и правил их объединения у говорящего и, главное, более или менее адекватным пониманием со стороны слушающего» [11, с. 9]. Язык как система предоставляет говорящему широкие возможности для выражения своей позиции и, таким образом, все языковые единицы несут в себе заряд различного рода коннотаций, семантических инноваций, преобразований.

В связи со сказанным отметим, что мы не можем согласиться с высказыванием: «Человек постигает этот упорядоченный мир посредством *лексической системы* своего языка, ибо только *слово* дает возможность воспринять хаос разрозненных впечатлений и ощущений, вычленив свойства, обозначить общее и единичное, классифицировать бесчисленные и подвижные элементы действительности, снова сложить их в единую и далее воспринять и осмыслить ее» [13, с. 71] (выделено нами. – Ю. Д.). Здесь абсолютизируется слово как основная единица языка и речи, хотя представляется бесспорным, что индивидуальный опыт фиксируется и отражается прежде всего в тексте и поэтому «семантическая система языка представляет собой информационную модель того или иного антропоцентрического отражения, измерения и интерпретации объективного и субъективного мира» [14, с. 132].

Каким образом проявляются инновации? Как отмечают исследователи, «чаще всего источником новых смыслов служат семантические аномалии» [3, с. 442], под которыми понимаются разнообразные трансформации, связанные с содержательной стороной языковых единиц. Данный термин («семантическая аномалия») представляется нам очень удачным, поскольку позволяет охватить весь комплекс разноструктурных языковых единиц. Именно «в случае аномалий, порождающих новый смысл, правило нарушается намеренно, но при этом часто бессознательно. Резуль-

татом нарушения оказывается появление в высказывании дополнительного смысла или полное переосмысление каких-либо его компонентов» [3, с. 442].

Понятие семантической аномалии, как нам кажется, соотносится с когнитивной теорией метафоры, поскольку метафора здесь рассматривается не как языковое явление, а как «механизм создания новых значений и новой реальности в нашей жизни» [9, с. 218]. Поэтому «метафора – это один из самых важных способов хотя бы частичного понимания того, что не может быть понято полностью: сферы чувств человека, эстетического опыта, морали и духовных озарений» [9, с. 215] и она «пронизывает нашу повседневную жизнь, причем не только язык, но и мышление и деятельность» [9, с. 25].

Соответственно, метафора в современной науке рассматривается не как троп или тип переносного значения, «метафора оказывается важнейшим познавательным механизмом, позволяющим познавать сложное через простое, абстрактное через конкретное, неизвестное через известное. Метафорический механизм важен не только для лексики, но и для грамматики» [8, с. 314].

И когнитивная теория метафоры, и «семантическая аномалия» основана на том, что «говорящий приспособляет язык к своим потребностям выражения и тем самым преодолевает его» [7, с. 49]. Это проявляется прежде всего в индивидуальных употреблениях отдельных языковых единиц в процессе речевой деятельности: «коллективы людей (или отдельный человек, если речь идет об индивидуально-языковом сознании), пользуясь языком, живя в нем и благодаря ему, постоянно вносят в него определенные субъективные моменты в соответствии со своим строем мыслей и чувств, образом жизни и т.д.» [10, с. 229]. И далее мы рассмотрим, как проявляются подобные трансформации семантики в функционально обусловленном контексте.

Поскольку инновации в семантике языковых единиц связаны с их индивидуальным употреблением, представляется закономерным, что «даже один и тот же человек, употребляя одно и то же слово применительно к однотипным ситуациям, но в разное время, может вкладывать в него не вполне тождественную информацию» [5, с. 157]. В связи с этим мы полагаем необходимым обратиться к анализу функционирования одних и тех же единиц в различных текстах.

Рассмотрим с этой точки зрения следующие примеры: 1) *Клены выкрасили город Колдовским каким-то цветом, Это снова, это снова **Бабье лето, бабье лето*** (И. Кохановский); 2) *Дай бог тебе большое **бабье лето** И осень ясную, когда она придет* (С. Щипачев); 3) *Не **бабье лето** – мужиковская весна. Есть зимний дуб. Он зацветет позже* (А. Вознесенский)

Общеупотребительное значение устойчивого выражения *бабье лето* – «ясные тёплые дни ранней осени», однако только в первом из приведенных примеров это значение сохраняется. В двух последующих случаях мы наблюдаем ряд семантических преобразования в значении этого словосочетания. Во втором примере *бабье лето* соотносится с возрастом человека и приобретает значение «продление молодости». В заключительном примере автор использует устойчивое сочетание *бабье лето* не как цельное выражение, а как свободное словосочетание, что позволяет ему противопоставить не разные времена года и не разные периоды в жизни людей, а проявления мужского и женского начала. Во всех подобных случаях мы имеем дело с варьированием содержания одной и той же номинативной единицы. Это варьирование зависит от когнитивного и речевого опыта авторов текстов (в частности, им известно общеупотребительное значение данного выражения, они хорошо знакомы с возможностями языковой системы) и обусловлено целью, которую ставят перед собой данные авторы: донести до читателя свое восприятие фактов объективной действительности. И вариативность выступает здесь «не как неудобство,

не как проблема выбора, затрудняющего коммуникацию, а как выбор, позволяющий наиболее точно и экспрессивно значимо выразить свою мысль» [12, с. 15].

Другой пример. Слово *чудо* трактуется в словарях как «сверхъестественное явление, вызванное вмешательством божественной, потусторонней силы». Рассмотрим, в каком значении используется это слово в текстах: 1) *Верно, и впрямь совершается чудо!* (А. Тарковский); 2) *Я люблю тебя, мой махаон, Оробевшее чудо бровастое* (А. Вознесенский); 3) *Это новое лишнее чудо Вдруг свалилось на плечи мои* (Е. Евтушенко); 4) *Господь и бог! Я жажду чуда! Сейчас, теперь, в начале дня! О, дай мне умереть...* (М. Цветаева).

Последовательный анализ этих примеров убеждает нас, что содержание текста обуславливает интенциональное использование языковых единиц, что приводит, в частности, к преобразованию семантики отдельных слов: в первом контексте слово *чудо* сохраняет свое общеязыковое значение; во втором – удивление перед необычностью махаона заставляет автора назвать его *чудом*, то есть чем-то, не укладывающимся в рамки привычного; в отрывке из стихотворения Е. Евтушенко слово *чудо* сочетается с прилагательным *лишнее*, имеющим значение «ненужное, бесполезное», и глаголом *свалилось* (то есть «неожиданно появилось»), что приводит к истолкованию *чуда* как неприятного события; наконец, в последнем контексте под *чудом* понимается возможность умереть.

И еще один пример семантических инноваций: 1) *Я вижу милый, странный лик* (Н. Гумилев); 2) *Я видел экземпляры книги той Она бумагой сделалась простой* (Л. Мартынов); 3) *Отчего же такая отрада Эти вишневые видеть уста?* (А. Ахматова); 4) *Но видел я штормишки, А вовсе не шторма* (Е. Евтушенко); 5) *Я вижу искусством, А сердцем не вижу* (А. Вознесенский); 6) *Я видел Время, что бежало От вздумавших убить его* (Л. Мартынов); 7) *Как мог ты не видеть доселе Сокровища жизни своей?* (Н. Заболоцкий); 8) *Двух звезд моих не видишь – ибо Нашел – вечнее* (М. Цветаева).

Слово *видеть* в общеязыковом значении выступает как средство номинации определенной способности людей: обладать и воспринимать зрением окружающий мир, наблюдать, сознать, усматривать определенные явления. В приведенных контекстах мы находим как конвенциональное использование этого слова, так и многообразные преобразования в его семантике, выражающие авторское восприятие мира: *видел Время, вижу искусством* и др. Семантическое наполнение анализируемых единиц определяется контекстом их употребления, ассоциативными связями с другими языковыми единицами и, главное, необходимостью выразить новое знание о духовном и материальном мире, в котором живет человек. Как представляется, анализ того, как соотносятся в данном случае язык и речь, отходит на второй план. Главным здесь становится определение функциональной (целевой) нагрузки языковых единиц в тексте.

Анализ эмпирического материала убеждает нас в том, что процесс порождения текста связан с интенциональным использованием говорящим имеющихся языковых средств. И если мы попытаемся ответить на вопрос, что заставляет говорящего выходить за рамки конвенциональной языковой системы, то мы окажемся перед необходимостью выявить такие характеристики индивидуального использования языковых средств, которые позволили бы рассматривать их не как асистемное явление, а как закономерное и необходимое условие функционирования языка. По нашему мнению, такими характеристиками являются функция (назначение) и ценность (значимость) языковой единицы. Эти характеристики связывают воедино речевую деятельность говорящего и язык как систему.

Телеологически ориентированный анализ позволит при характеристике индивидуального использования языковых единиц исходить из потребностей целого

текста, поскольку в отрыве от него эти единицы, очевидно, имеют обобщенное и конвенционализированное значение, служащее исходным для образования новых смыслов.

Поэтому в нашей работе мы исходим из того, что результаты человеческого познания прежде всего фиксируются в различных текстах. Эти результаты не могут быть выражены теми средствами, которые предоставляет языковая система. Поэтому противоречие между возможностями языка и потребностями индивидуума выразить и зафиксировать свое видение мира побуждает говорящего к речетворчеству во всех его видах, что и приводит к возникновению инноваций. В языке же фиксируются далеко не всякие результаты познания объективной действительности, а только такие, которые оказались социально значимыми: «В каждом языке закрепляется прежде всего то, что носители языка считают нужным именно для коммуникации» [14, с. 31]. И вследствие этого «знак никогда не входит в деятельность как «кирпичик», который механически вкладывается в общую ... структуру, и его субъективное содержание никогда не «покоится» в сознании субъекта. За ним всегда стоит система процессов оперирования с этим знаком» (Цит. по: [10, с. 229]).

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Инновационные процессы в семантической структуре языковых единиц обусловлены не контекстом их употребления, поскольку «контекст не является способом порождения или преобразования значений; он свойство и форма их существования» [1, с. 86]. Трансформация семантики языковых единиц детерминируется когнитивным опытом и интенциями говорящего.

Инновации всегда носят прагматический характер и связаны с такими характеристиками языковых единиц как функция и ценность. Вследствие этого любые нарушения узуса необходимо рассматривать не с точки зрения их исключительности (как окказиональные образования) и не с точки зрения противопоставления речи и языка, которое существует только в методологическом плане, а с позиции функциональной обусловленности. Такой подход предполагает рассмотрение языка как системы, непрерывно формируемой речевой деятельностью людей, а инноваций – как пути становления языка.

Библиографические ссылки

1. **Алефиренко Н. Ф.** Спорные проблемы семантики : монография / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Гнозис, 2005. – 326 с.
2. **Бахтин М. М.** Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. – СПб. : Азбука, 2000. – С. 249–298.
3. **Булыгина Т. В.** Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелёв. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.
4. **Гаспаров Б. М.** Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М. : «Новое литературное обозрение», 1996. – 352 с.
5. **Кобозева И. М.** Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. – 3-е изд., стереотип. – М. : КомКнига, 2007. – 352 с.
6. **Колшанский Г. В.** Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский. – М. : КомКнига, 2006. – 128 с.
7. **Косериу Э.** Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения) / Э. Косериу. – 2-е изд., стереотип. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 204 с.
8. **Кронгауз М. А.** Семантика: учебник для вузов / М. А. Кронгауз. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 399 с.
9. **Лакофф Д.** Метафоры, которыми мы живем / Д. Лакофф, М. Джонсон ; пер. с англ. / под. ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М. : Эдиториал УРСС, 2004. – 256 с.

10. **Манакин В. Н.** Сопоставительная лексикология / В. Н. Манакин. – К. : Знання, 2004. – 326 с.
11. **Никитевич В. М.** Основы номинативной деривации / В. М. Никитевич. – Минск : Вишэйш. шк., 1985. – 138 с.
12. **Ремчукова Е. Н.** Креативный потенциал русской грамматики / Е. Н. Ремчукова. – М. : Изд-во РУДН, 2005. – 329 с.
13. **Скляревская Г. Н.** Метафора в системе языка / Г. Н. Скляревская. – 2-е изд., стереотип. – СПб. : Филол. фак-т СПбГУ, 2004. – 166 с.
14. **Шелякин М. А.** Язык и человек: К проблеме мотивированности языковой системы : учебн. пособие / М. А. Шелякин. – М. : Флинта : Наука, 2005. – 296 с.

Надійшла до редколегії 2.06.08

УДК 811.112.2'38

П. О. Дук

Дніпропетровський національний університет ім. Олеся Гончара

МЕТАФОРА ТА ПОРІВНЯННЯ ЯК ЗАСОБИ ГУМОРУ

Розглядається питання про роль тропів, зокрема метафори і порівняння, у створенні комічного ефекту текстів. Комічний потенціал різних видів означених тропів досліджено на прикладі сучасних німецькомовних гумористичних віршів, встановлено умови, за яких метафори і порівняння виконують роль стилістичних засобів гумору.

Рассматривается вопрос о роли тропов, в частности метафоры и сравнения, в создании комического эффекта текстов. Комический потенциал различных видов упомянутых тропов исследуется на примере современных немецкоязычных юмористических стихотворений; определяются условия, при которых метафоры и сравнения выполняют роль стилистических средств создания юмора.

A question about the role of tropes, in particular, metaphors and comparisons in creation of comical effect of texts is examined. Comical potential of different types of the noted tropes is investigated on the example of modern German humorous poems, conditions under which metaphors and comparisons carry out the role of stylistic facilities of humour are set.

Метафора, як один із традиційних тропів, протягом століть залишається серед найбільш досліджуваних лінгвістикою явищ. Однією з останніх тенденцій лінгвістичних досліджень стало вивчення метафори в контексті когнітивної та комунікативної лінгвістики [1; 4; 6; 10].

Традиційно метафора розглядається як найвідоміший і найпоширеніший засіб образної експресивності [7; 8; 9], але на відміну від каламбуру чи іронії, які більшістю стилістів розглядаються, насамперед, як засоби гумору та сатири [12; 2], комічний потенціал метафори рідко привертая увагу дослідників. З відомих нам робіт найбільш ґрунтовними можна вважати дослідження О. Б. Шонь та А. К. Кутоян [11; 3], зроблені на матеріалі англійської мови.

Наша стаття присвячена вивченню комічного потенціалу німецькомовних метафори та порівняння на матеріалі сучасних німецьких гумористичних віршів і має на меті встановити умови та механізми функціонування цих тропів як засобів гумору та сатири.

О. Б. Шонь розрізняє індивідуально-авторські оказіональні метафори та загальноживані метафори і стверджує, що гумористичний ефект здатна створювати